

Н. Г. Борозна

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ УЗБЕКОВ-ДУРМЕНОВ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ ТАДЖИКИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

Свадьба узбеков-дурменов¹ в последние годы претерпела некоторые изменения, утратив ряд старых элементов обрядности и получив новые. Однако и в наши дни их свадебная обрядность в основном сохраняет свою традиционную форму, а порой и пережитки весьма архаичных черт, корнями своими уходящих в эпоху общинно-родового строя.

В свадьбе дурменов прослеживаются черты, свойственные кочевым и полукочевым в прошлом народам Средней Азии и Казахстана — казахам, киргизам, каракалпакам и гуркменам. В ней отразилось прежнее родо-племенное деление, родовая экзогамия, являющаяся, по мнению Т. А. Жданко, «...одним из наиболее устойчивых пережитков общинно-родового строя народов с полукочевым бытом»².

Принято считать, что даштикипчакские узбеки уже давно утратили обычай экзогамии. В доказательство такого положения приводится обычай брака двоюродных брата и сестры, детей двух родных братьев³. Однако об экзогамности рода у дурменов в недалеком прошлом⁴ свидетельствуют бытовавшие почти до наших дней наряду с параллельно-кузенными браками между детьми двух родных братьев и детьми двух родных сестер и кросс-кузенные браки между детьми брата и сестры. Параллельно-кузенные браки сына и дочери двух родных сестер считались у дурменов более предпочтительными, чем браки детей двух родных братьев, относящиеся к значительно более позднему времени — времени распада родо-племенной структуры. Как сообщают наши информаторы, у дурменов еще в конце XIX — начале XX в. сохранялись взаимнобрачные связи между определенными родами; брачались всегда были из разных родов. У бабатагских дурменов вплоть до недавнего времени выделялись четыре большие родовые группы: саксан, ногай, чурдак и чарчур, причем взаимнобрачавшимися были саксан и ногай, чарчур и чурдак. Такое деление, являющееся несомненным пережитком дуальной

¹ Дурмены — одна из этнографических групп узбеков даштикипчакского происхождения, потомков племен даштикипчакских узбеков, пришедших в Среднюю Азию в XVI в. Они в отличие от основной части узбеков до недавнего времени вели полукочевую жизнь и сохраняли родо-племенное деление. К узбекам даштикипчакского происхождения относятся катаганы, дурмены, кунграты, локайцы, найманы и другие. В данной статье используются материалы, касающиеся преимущественно дурменов, расселенных в долине р. Кафирниган (Таджикистан) и Бабатагских горах (Узбекистан). Подробнее об этнографической группе узбеков даштикипчакского происхождения см.: Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ АН СССР), вып. XXVII, М., 1957; е е же, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, КСИЭ АН СССР, вып. XXXIII, М., 1960.

² Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX века, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 70.

³ См. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1, М., 1962, стр. 315.

⁴ Отметим, что в Средней Азии пережитки экзогамии наиболее четко прослеживаются у каракалпаков, см. Т. А. Жданко, Быт каракалпакского колхозного аула, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 13.

экзогамии, прослеживается и у других народов⁵. Даже в настоящее время, когда деление бабатагских дурменов на родовые группы уже не играет практически никакой роли, браки между людьми из взаимнобрачащихся в прошлом групп старшее поколение считает наиболее предпочтительными.

Обычай параллельно-кузенного брака у дурменов сохраняется до некоторой степени и теперь. Бывают случаи, когда женщина из рода ногай, вышедшая замуж за мужчину из рода саксан, стремится женить своего сына на девушке из рода ногай, предпочтительно на дочери своей родной сестры. Это также подтверждает былую экзогамность патриархального рода у дурменов.

В настоящее время молодые люди нередко даже не знают, к какому родовому подразделению они относятся, да и для многих стариков родо-племенное деление отошло в область истории. Браки большей частью заключаются по взаимной склонности юноши и девушки, независимо от их родовой принадлежности. Племена полукочевых узбеков были эндогамны. Так у дурменов браки заключались только в пределах своего племени. То же наблюдалось у локайцев и кунгратов. Со временем у дурменов, как и у некоторых других народов, сохранявших родо-племенное деление, запрет жениться на девушках из чужих племен стал нарушаться. В конце XIX в. дурмены иногда женились на таджиках. В Зеравшанской долине, как сообщал А. Д. Гребенкин, минги, катаганы, каракалпаки и мужчины из других узбекских групп женятся только в пределах своего племени⁶. Таким образом, дурмены не были в этом отношении исключением.

У полукочевых в прошлом узбеков и у других народов Средней Азии и Казахстана формы заключения брака имеют много общего, поэтому мы опишем некоторые из этих форм очень кратко.

Колыбельный сговор (*этак джиртиш*) был широко распространен у узбеков дашти-кипчакского происхождения, а также у узбеков Хорезма, казахов, киргизов, каракалпачков и оседлого населения Средней Азии⁷. Сговор обычно происходил между родителями, дети которых были двоюродными братом и сестрой.

Бытовавшие прежде у дурменов левират и сорорат в настоящее время встречаются крайне редко, хотя и поощряются стариками. М. О. Косвен считает левират и сорорат пережитками группового брака периода дуальной экзогамии⁸. Об одном случае левирата, когда младший брат женился на вдове умершего старшего брата, нам рассказали в сел. Тарыпая в 1963 г. Мужчина 26 лет, только что вернувшийся из армии, уступил уговорам своих родителей и женатых братьев и женился на 36-летней вдове старшего брата, у которого осталось двое детей. Братья и родители женившегося живут одной неразделенной семьей. Уговаривая младшего сына жениться, они руководствовались и чисто-экономическими соображениями: не хотели выделять из общего хозяйства вдову. Такие браки случались, как правило, в больших неразделенных семьях, где авторитет родителей и женатых старших братьев был весьма высок. Поскольку неразделенных семей становится все меньше и меньше, подобные браки скоро уйдут в область прошлого. К сказанному нужно добавить, что левират и сорорат как формы брака бытовали в Средней Азии и у народов со скотоводческим направлением хозяйства и у оседлых земледельцев⁹. Это еще раз свидетельствует о том, что оседлые и кочевые народы прошли одинаковые стадии в развитии семьи и семейных отношений.

Брак путем похищения совершался у дурменов в исключительных случаях. Юноша тайно увозил девушку в свой кишлак. Только с течением времени, когда родители девушки признавали ее мужа, совершался официальный обряд бракосочетания. В наши дни подобная форма брака почти не встречается.

О собственно свадебном обряде полукочевых узбеков, в частности дурменов, в литературе имеется мало сведений¹⁰. Поэтому характеристика свадьбы дурменов дана

⁵ Пережитки дуальной организации выявлены С. П. Толстовым у туркмен, см.: С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

⁶ А. Д. Гребенкин, Узбеки, Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 76, 86, 98 и др.

⁷ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», вып. I, М., 1952, стр. 399; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1962, стр. 30, 32; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпачков. Родо-племенная структура и расселение в XIX—начале XX в., стр. 70, 71. Колыбельный сговор был и у народов Сибири, см.: Н. П. Дыренкова, Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, «Сов. этнография», 1937, № 4, стр. 19; И. Д. Старынкевич, Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии, «Сборник МАЭ», вып. IX, Л., 1930.

⁸ М. О. Косвен, К проблеме группового брака, КСИЭ АН СССР, вып. I, 1946, стр. 19—22.

⁹ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, т. II, М., 1963 (см. разделы, посвященные семье и семейно-брачным отношениям).

¹⁰ Сведения о свадьбе полукочевых узбеков, в том числе и дурменов, мы находим у А. Д. Гребенкина (Указ. раб., стр. 64—68 и др.). Советские этнографы — К. Л. Задыхина, Н. П. Лобачева, К. Шаниязов и Т. Файзиев описали свадебный обряд у северных узбеков Хорезма, узбеков-карлуков и курама, см.: К. Л. Задыхина, Указ. раб.,

в основном по материалам полевых исследований автора, проведенных в южных районах Узбекистана и Таджикистана (1958, 1959, 1961, 1964 гг.)¹¹.

Совершение свадебного ритуала раньше, а в значительной степени и теперь — дело всего селения и прежде всего родственников жениха и невесты. У дурменов Кабадпана, Бабагата, долины Кафирнигана, как и у многих других народов¹², самое активное участие в свадьбе принимали односельчане жениха и невесты.

В настоящее время, несмотря на то, что браки заключаются по взаимному согласию юноши и девушки, во время свадьбы выполняются все основные свадебные обряды — «соборания» совета стариков, сватовство, помолвка, бракосочетание.

Прежде чем приступить к устройству свадьбы, несколько раз собирается совет стариков (*масляхат*) как со стороны жениха, так и со стороны невесты. На масляхате в настоящее время присутствуют старики, родственники и наиболее уважаемые люди колхоза, совхоза, села, независимо от их возраста. Обычно это бригадиры, в бригадах которых работают юноша и девушка, управляющий фермой, бухгалтеры, знатные колхозники и др. Без масляхата не проходит ни одна свадьба. Первый совет собирается в доме родителей юноши. На нем решают, кого послать в качестве сватов в дом девушки, и обсуждают вопросы, связанные с организацией свадьбы.

Масляхат со стороны невесты собирается лишь после начала сватовства. Он обсуждает достоинства жениха и его родни, некоторые вопросы устройства свадебного торжества.

После того, как масляхат со стороны жениха решил вопрос о сватах, совершается церемония сватовства (*кудалык*). Сватами (*саучи*) могут быть и мужчины и женщины. В Кабадиане в качестве свахи обычно посылается женщина, которая не только должна быть красноречивой, пользоваться уважением односельчан, но и иметь здоровых детей. В долине Кафирнигана и у узбеков Бабагата сватами обычно выбирают двух-трех мужчин.

Прежде чем войти в дом родителей девушки, сваты-мужчины по обычаю ослабляют пояс на цитанах — считается, что родители девушки будут от этого сговорчивей. Затем они крошат сухой кизяк и крошки рассыпают во дворе и у порога дома. Это символизирует пожелание благополучия и обеспеченности (иметь много скота). Принимает сватов отец девушки, но при этом обязательно присутствует и ее мать, а часто и несколько ближайших родственников. Если родители девушки соглашаются сразу, они совершают обряд разламывания лепешек, символизирующий пожелание молодоженам жить дружно и иметь много хлеба. Обряд этот бытует у оседлого населения — таджиков и узбеков, не сохранивших родо-племенного деления. Вероятно, полукочевыми узбеками он заимствован именно у них.

Затем сватов угощают. В прошлом если сватам отказывали, то их совсем не угощали, даже не предлагали чая. Обычно сваты приходят в дом девушки до трех раз, и после третьего раза ответ считается окончательным, однако бывали случаи, когда сваты приходили до десяти раз. Если согласие на брак получено, начинаются приготовления к свадьбе.

Основные свадебные торжества — помолвку (*патила-той*) и праздник бракосочетания (*ника-той*) дурмены всегда устраивают в доме невесты. В ауле невесты свадьбу справляли и другие группы полукочевых в прошлом узбеков¹³, а также казахи и киргизы¹⁴, каракалпаки, таджики¹⁵. Лишь у туркменова *ника-той* совершался и совершается в доме родителей жениха¹⁶.

стр. 402—405; Н. П. Лобачева, Свадебный обряд хорезмских узбеков, КСИЭ АН СССР, вып. XXXIV, 1960; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк), Ташкент, 1964, стр. 140—152; Т. Файзиев, Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1963, стр. 21.

¹¹ Пользуясь случаем выразить благодарность Тернашу Нурмантову — бухгалтеру совхоза им. Калинина — и многим другим, оказавшим большую помощь в сборе материалов.

¹² Л. Я. Штернберг отмечал обязательное участие коллектива в свадьбе у народов северо-восточной Сибири. «Брак», — писал он, — акт социальный, санкционируемый коллективом — родом у народов с родовой организацией, а в нашем крестьянстве — группой родственников и отчасти и целым обществом», см.: Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов северо-восточной Сибири, Л., 1933, стр. 182.

¹³ А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 66.

¹⁴ Х. Кустанаяв, Этнографические очерки киргизов Перовского и Казалинского уездов, Ташкент, 1894, стр. 27, 82; Р. Карутц, Среди киргизов и туркменова на Мангышлаке, СПб., 1910, стр. 98.

¹⁵ Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLIII, М.—Л., 1959, стр. 95, 96; его же, Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии, КСИЭ АН СССР, вып. XXVIII, 1958, стр. 24.

¹⁶ А. Джикиев, Свадебные обряды у туркмен-салыров в конце XIX — начале XX в., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VII, серия этнографическая, Ашхабад, 1963.

Патия-той — первый этап свадебной церемонии у дурменов, кунгратов и других даштикинчакских узбеков. Помолвка считалась прежде обязательной, если невестой была девочка 9—13 лет. Если же выходила замуж вдова или девушка старше 20 лет, патия-той не устраивали. Теперь, когда брачный возраст девушек изменился (замуж выходят обычно в 18—24 года), патия-той часто не справляют.

Перед патия-той невеста и жених одевают свадебные костюмы. Последние в основных своих элементах не отличаются от обычных, но имеют некоторые особенности. Свадебная одежда должна быть обязательно новой. Жених надевает новый халат (*чапан*) из полушелкового материала (*бекасаб*) и подпоясывается шелковым или хлопчатобумажным платком, вышитым невестой ко дню свадьбы. Хотя в настоящее время большинство мужчин молодого и среднего возраста носят шапки-ушанки или кепи, на свадьбе жених должен быть в чалме (ее навивает ему старший брат или, если его нет, один из близких друзей). Новую тюбетейку, специально вышитую к свадьбе невестой, жених надевает под чалму. Обувь жениха — традиционные сапоги (*этик*). Раньше жених не всегда имел возможность приготовить себе новую одежду для свадьбы, в таком случае он мог одолжить нарядный халат и сапоги у любого жителя кишлака. За это никакой платы не требовалось.

Невеста надевала новые платье, халат (*чапан*), платок. Подол ее платья не подшивали, что символизировало пожелание благополучной супружеской жизни. В настоящее время невесте шьют ставшее сейчас модным платье со вшивными рукавами, на кокетке, со стоячим воротником, отделанным рюшем (*парпар*), однако как и раньше подол не подшивают. На ноги невеста прежде надевала мягкие сапожки с кожаными калошами, теперь же обычно — новые туфли на низком каблучке. Сложный женский головной убор — чалму (*салля*) невесте навивает уже в доме мужа какая-нибудь мастерица этого дела или родственница мужа.

Для устройства патия-той сваты закупают продукты и перевозят их в дом отца девушки. На праздник приглашают много гостей, их угощают пловом, жареным мясом и объявляют о предстоящей свадьбе юноши и девушки. После помолвки родственники жениха, согласно обычаю, дарят родственникам невесты платки, халаты и другие вещи. Подобные обычаи одаривания широко известны повсюду в Средней Азии¹⁷.

В период между помолвкой и праздником бракосочетания жених тайно посещает невесту. Этот обычай сохраняется и теперь. Так, один юноша из кишлака Дугаб на Бабатаге женился на девушке из кишлака Тарыпая в долине Кафирнигана. До свадьбы в течение года он ежедневно после работы переправлялся через Кафирниган на плоту из стеблей каурака, чтобы попасть к своей невесте в Тарыпая (от Дугаба до Тарыпая примерно 40 км).

В прежние времена в период между помолвкой и бракосочетанием отцу невесты выплачивалась половина калыма за нее, вторая же половина отдавалась позже, но обязательно до совершения обряда бракосочетания. До установления Советской власти калым широко бытовал у всех народов Средней Азии и Казахстана¹⁸. Размер его как и состав приданого, определялся на совете стариков, когда сваты приходили в дом родителей девушки за окончательным ответом. Весь калым шел в распоряжение отца невесты, ее старшего брата или (если не было отца или брата) дяди по матери.

В конце XIX в., судя по данным А. Д. Гребенкина, кочевые узбеки-юсы «платили» за невесту от 5 до 150 овец, кутчи — 60—80 рублей, а минги от 40 до 200 рублей. А. Д. Гребенкин отмечает, что у узбеков калым редко выплачивался деньгами, обычно нужная сумма погашалась скотом и зерном¹⁹.

Информаторы преклонного возраста утверждают, что до революции установленного состава калыма не было. У кунгратов в состав калыма обычно входило от 50 до 100 овец или 1000 рублей денег, у жителей Бабатага — 100 голов овец и 10 голов крупного рогатого скота, 4 лошади. Мужчины-дурмены редко женились до 40 лет, так как не могли раньше уплатить калым.

Глубокий анализ происхождения института калыма дан в работе Н. А. Кислякова. По его мнению, калым у народов Средней Азии и Казахстана являлся своеобразным выкупом за женщину из другого рода. Брак-покупка был характерен для эпохи патриархальных отношений, — пишет Н. А. Кисляков, — и непосредственно связан с большой патриархальной семьей²⁰.

Таким образом, обычай уплаты калыма связан с большой патриархальной семьей и, казалось, должен был с отмиранием этой семьи полностью исчезнуть. Как известно, подобная семья у народов Средней Азии и Казахстана уже ушла в прошлое, сохраня-

¹⁷ См. Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 80—84, 123—126.

¹⁸ См. Р. Карутц, *Указ. раб.*, стр. 10; Н. И. Гродеков, *Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области*, т. I, Ташкент, 1883, стр. 48, 60, 61, 77 и др.; А. Подваркова, *Брак и развод у киргиз*, «Средняя Азия. Ежемесячное литературное историческое издание», кн. II, Ташкент, 1910; Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 136—180.

¹⁹ А. Д. Гребенкин, *Указ. раб.*, стр. 76, 85, 92, 109.

²⁰ Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 177; см. также М. О. Косвен, *Брак-покупка; его же, Матриархат*, «Ученые записки МГУ», вып. 61, История, т. II, М., 1940, стр. 103, 105, 109, 114.

ется лишь ее пережиточная форма — семья неразделенная. Однако случаи уплаты калыма за невесту встречаются еще и теперь, иногда вне всякой связи с неразделенными семьями. Калым является одним из наиболее стойких, медленно исчезающих вредных пережитков феодально-патриархальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана. За годы Советской власти с развитием социалистической экономики и культуры, с изменением социально-бытового уклада этот обычай изменился. Если до Октябрьской революции у дурменов в калым за невесту входили скот и деньги, то теперь в качестве калыма выступают, главным образом, подарки родне невесты: материя, халаты, платья, обувь. Иногда отцу невесты дают и деньги, на которые он покупает дочери некоторые вещи в приданое. В основном же приданое семья девушки готовит сама.

Собирать приданое начинают, когда девочке исполняется 8—9 лет. В состав приданого входят различные носильные и домашние вещи, причем обязательно четное число каждой вещи, например, — четыре платья, шесть платков, два чапана и т. д. Необходимыми элементами приданого являются мягкий ковровый сундучок (*мапрамач*) и два паласа, сотканые непременно девушкой. В настоящее время паласы иногда заменяют ворсовыми коврами, купленными в магазине. В приданое невесте даются и все мягкие принадлежности юрты (их укладывают в мапрамач). Различные ленты для связывания деревянных частей юрты — решеток (*кереге*) и купольных жердей (*ууков*) невеста также должна выткать сама. В работе девушке обычно помогают мать или тетка. Сейчас, когда в юртах уже не живут, комплект мягких принадлежностей для ее убранства девушка получает обычно от матери или бабушки со стороны матери. Наличие в приданом частей юрты свидетельствует о стойкости кочевых и полукочевых традиций у дурменов. Раньше в селение жениха в качестве приданого привозили юрту или *лочик* — жилище полукочевых типа, которые делал или покупал невесте ее отец. Подобный обычай бытовал и у других кочевых и полукочевых народов — казахов, киргизов, каракалпаков, туркменов. У полукочевых узбеков свадебная юрта называлась *стау*, так ее называли и казахи²¹. В настоящее время обычай давать юрту в приданое сохраняется в некоторой степени у дурменов Бабатагских гор. В Кабadiane и долине среднего течения реки Кафирнигана он уже не бытует, здесь для молодых отводят отдельную комнату в доме родителей девушки.

Вещи, вошедшие в приданое, развешиваются для осмотра на протянутых в юрте или комнате (уже в доме мужа) тканых лентах, которыми связывали кереге и купольные жерди. Если приданое демонстрировалось в юрте, то развешивали вещи и на кереге. Нам пришлось наблюдать это обычай в сел. Сарылка (Бабатагские горы). Там молодая женщина вместе с ребенком переехала в кишлак мужа и в составе приданого привезла юрту. Ее устанавливали молодые замужние женщины — родственницы со стороны мужа. В юрте показывали приданое²², а молодуха с ребенком на руках сидела за занавеской (*чемылдык*), сшитой согласно обычаю ее матерью.

Как уже говорилось, в период между патия-тоем и ника-тоем жених тайно посещал невесту, но не мог увести ее в свой дом до тех пор, пока не была выплачена вторая половина калыма.

После полной выплаты калыма устраивался ника-той. В настоящее время этот обряд совершается после вручения родителям и родным невесты определенного количества подарков, а иногда и денег. Накануне ника-тоя организуется угощение юношей — друзей жениха. Этот обычай бытует и теперь. Невеста в своем доме, из которого предвременно уходят родители, братья и сестры, печет вместе с подругами слоеные лепешки (*катлама*). Подруги невесты кладут это угощение на двадцать деревянных блюд (*табак*) и несут в соседний дом, где находятся товарищи жениха. Юноши забирают лепешки, а опустевшие блюда наполняют подарками для девушек — кусками материи. Приняв блюда с подарками, девушки убегают и прячутся в другом доме, предпочтительно у дяди невесты по матери, куда уже привели невесту²³. Хозяин дома, после получения подарка от юношей, впускает их к девушкам. Здесь молодежь устраивает игры, веселится. Нередко в прошлом именно во время таких празднеств юноши и девушки знакомились друг с другом, а иногда и выбирали себе друга по сердцу.

Корни этого интересного обычая уходят очевидно в эпоху первобытнообщинного строя. Одаривание происходило между определенными возрастными классами — между юношами и девушками одного или примерно одного возраста. В прошлом, по рассказам стариков, между юношами и девушками в это время допускалась свобода общения. Все это следует, вероятно, рассматривать, как пережиточные явления группового брака.

²¹ Ф. Ф. Иельструп, Свадебные жилища турецких народностей, «Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея», т. III, вып. I, Л., 1926, стр. 111, 112.

²² Осмотр приданого, развешанного в юрте, устраивался также казаками и киргизами (там же, стр. 114, 115).

²³ В конце XIX в. подобный обычай существовал также у казахов, см.: Ф. Л.-ий, Свадебные обычаи у киргизов Оренбургского ведомства, «Московские ведомости», 1862, № 51; Алтысарин, Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства, «Записки Оренбургского отделения Русского географического общества», I, 1870; И. И. Ибрагимов, Этнографические очерки киргизского народа, сб.: «Русский Туркестан», вып. 2, 1872 и др.

Ника-той у дурменов, как и повсюду в Средней Азии, является кульминационным пунктом свадебных обрядов. Совершается он в доме родителей девушки и обязательно в полночь. Мулла в присутствии мужчин — родственников жениха и невесты кладет на чашку с водой лепешку и покрывает все это куском марли. Затем над этой чашкой он читает брачную молитву. Жених и невеста на церемонии не присутствуют. Невеста со своими подругами сидит во дворе перед домом, жених также находится неподалеку. Двое или трое из наиболее уважаемых мужчин подходят к невесте и спрашивают, согласна ли она вступить в брак, затем ее ответ передают мулле и присутствующим при молитве мужчинам. У жениха о его согласии на брак спрашивает сам мулла.

Следует отметить, что и в настоящее время, наряду с распространением гражданской регистрации брака, у дурменов по-прежнему совершается этот старый мусульманский обряд бракосочетания. Однако он, как и некоторые другие старые обряды, переосмыслился и выполняется скорее по привычке, в силу традиции, в угоду родственникам старшего поколения.

После совершения ника-тоя подруги вносят невесту на куске белой кошмы (а теперь иногда на ковре или одеяле) в свадебную юрту или дом. У порога юрты или дома сидит старуха (*кампыр*), которую привела сюда мать невесты. Этой старухе близкий друг жениха должен дать выкуп, чтобы она пропустила жениха в свадебную юрту (или дом). Аналогичный обычай встречается у многих народов Средней Азии и у казахов²⁴. Н. А. Кисляков считает его одним из пережитков матрилокального поселения²⁵.

Жених входит к невесте, закрыв лицо полой халата. Ему дают зеркало, в которое он должен посмотреть, чтобы быть «чистым как зеркало». Подруги невесты берут пиау с маслом или повидлом, подходят к жениху и мажут ему губы. Эти магические действия символизируют пожелание быть счастливыми и иметь много детей. Затем замужняя сестра невесты делает несколько больших стежков на верхней одежде жениха, что должно уберечь его от дурного глаза. Постель для молодых стелят родственницы невесты. Всеми приготовлениями руководит мать или тетка невесты.

Переезд молодой (уже в качестве жены и невестки — *келин*) в дом мужа у узбеков южных районов Таджикистана и Узбекистана происходит после полудня, но обязательно до наступления темноты. У узбеков и таджиков других районов Таджикистана, напротив, невесту перевозят в дом мужа вечером, освещая путь факелами, а во дворе ее дома и дома жениха зажигают костры, которые имеют ритуальное значение²⁶.

Ритуальный костер в свадебных церемониях узбеков даштикипчакского происхождения занимает важное место²⁷. В наши дни костер зажигают только у дома жениха перед приездом невесты, хотя совсем еще недавно, как нам рассказывали в Кабадиане, костер зажигали и во дворе дома девушки. Заготавливают дрова для костра и зажигают его посаженная мать молодой.

Институт посаженных отца и матери, которые принимают молодую в доме ее мужа, являются как бы ее опекунами, очень характерен для группы полукочевых в прошлом узбеков. Перед тем, как перевезти жену к себе в дом, муж просит быть для нее названными (приемными) отцом и матерью²⁸ своего близкого друга и его супругу. Названный отец должен к приезду молодой принести барана и приготовить плов для нее и гостей. Когда молодая подъезжает к дому, приемная мать берет за повод лошадь и три раза обводит ее вокруг костра²⁹. Затем она подносит лошади блюдо с ячменем.

Если же молодую привезли на машине, как это часто бывает сейчас, названная мать помогает ей выйти из автомашины, берет ее за руку и они трижды вместе обходят костер. Мать мужа сообщает собравшимся, что своей невестке она дает корову или овцу. Келин и ее названная мать кланяются. После этого у порога дома стелят шкуру барана и молодая наступает на нее. Ей дают чашку с маслом или бараньим салом, ложку и она в сопровождении названной матери идет к костру. Три раза она бросает масло в огонь, что символизирует пожелание дальнейшей благополучной жизни семье.

Затем приемная мать берет келин за руку и вводит в дом, где они вместе будут сидеть за занавеской чимылдык три дня. В прошлом по прошествии этих трех дней молодая всегда уезжала в дом своих родителей и гостила у них неделю или более длительный срок. Теперь этот обычай возвращения домой почти не наблюдается. Невестка через три дня, в течение которых она разговаривала только со своей названной ма-

²⁴ Н. И. Гродеков, Указ. раб., стр. 71.

²⁵ Н. А. Кисляков, Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии, КСИЭ АН СССР, вып. XXVIII, 1957.

²⁶ См. Н. А. Кисляков, Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков, КСИЭ АН СССР, вып. XXX, 1958, стр. 130—134.

²⁷ Костер во дворе около дома родителей невесты или перед юртой зажигали в прошлом полукочевые хорезмские узбеки, узбеки-карлуки и другие, см.: К. Л. Задыхина, а, Указ. раб., стр. 403; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, стр. 149.

²⁸ Невестка называет свою приемную мать — *ина* (мать), приемного отца — *ата* (отец), а ее муж называет их соответственно *кайына* (теща) и *кайнага* (тесть). У северных групп хорезмских узбеков невестка называла приемную мать мурундук-ене, см.: К. Л. Задыхина, а, Указ. раб., стр. 403; Н. П. Лобачева, а, Указ. раб. стр. 43.

²⁹ Подобный обычай был и у таджиков, см. Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, стр. 112.

терью, избегая родных мужа, выходит из-за занавески. Свекровь устраивает смотрины невестки — *келин курсатар*.

Специально приглашенный на смотрины всеми уважаемый старик открывает лицо келин³⁰. Он палочкой приподнимает лицевую занавеску и приговаривает: «Много по кишлаку не бегай, плохих слов не говори». После этого вручают подарки приемным отцу и матери. В качестве угощения на смотринах подают молочную похлебку — *ак бу-ламык*. Таким образом, во время приезда молодой в дом мужа и все последующее время названные родители должны относиться к молодой женщине как к своей дочери. Этот интересный обычай бытует в основном среди полукочевого в прошлом скотоводческого населения Средней Азии. Вероятно, он, как и некоторые другие свадебные обряды и обычаи, ведет свое происхождение от эпохи разложения родового строя и утверждения патрилокального поселения молодых супругов, когда род мужа стремился принять девушку и как бы узаконить на нее свои права.

Анализ свадебной обрядности дурменов выявляет наличие у них некоторых общих черт с народами, ведшими в прошлом кочевой и полукочевой образ жизни, прежде всего с казахами, а также киргизами, каракалпаками и отчасти с туркменами. К характерным особенностям можно отнести длительное сохранение родо-племенного деления и связанные с ним эндогамность племени и экзогамность рода, ряд обычаев и обрядов в устройстве свадьбы (например, обычай давать в приданое юрту). Наряду с этим, полукочевые в прошлом узбеки заимствовали много черт из свадебной обрядности окружающего их оседлого населения, в частности таджиков (например, обычай разламывания лепешки и др.).

Вместе с тем традиционная узбекская свадьба претерпела большие изменения. За годы Советской власти сложились новые обычаи и обряды, изменилось содержание старых обрядов, многие из них исчезли совсем. Изменился и свадебный обряд. Веками соблюдавшийся обычай сватовства совершается теперь формально, молодые люди предварительно сами сговариваются о свадьбе. Раньше невесту привозили в дом мужа на лошади, осуществляя по пути различные магические действия. Теперь невесту и ее приданое обычно привозят на автомашине, и многие из магических обрядов, прежде сопровождавших свадебный поезд, исчезли.

Приведенный материал показывает, что традиционная свадьба даштикипчакских узбеков сохраняет отдельные, свойственные общинно-родовым отношениям, черты: устройство основных праздников свадьбы в доме родителей невесты, пережитки таких форм брака, как левират и сорорат, обычай избегания, пережитки магических верований и др. Все эти черты, однако, утратили свой первоначальный смысл и если даже встречаются сейчас, то в измененной форме, только как традиция.

³⁰ Подобные смотрины устраивали и таджики, см. Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 116, 117.